

О Bloжили меня, обложили, / Но остались ни с чем егеря!

Андрей Висс. - 2002. - март - с. 22-23.

Юрий Калешук

ГОРОД БЫЛ КАК СТАРАЯ ЛОДКА, ВЫБРОШЕННАЯ НА БЕРЕГ, ВРОСШАЯ В НЕГО И ОПОЧИВШАЯ.

Потемневшие двухэтажные бараки окружены валами спрессованного хлама, напластованиями прошедших лет, и срезанный бортами грузовиков край читался, как геохронологическая карта: триас, палеоген, девон. Хотя это, пожалуй, слишком: геологическая эпоха – понятие серьёзное, взглядом её не окинешь. Зато исторические пласты отделялись легко: вот угольный мрак лагерных лет, а это – весёлое разгильдяйство послевоенного наплыва вербованных, здесь аскетичный пропласток энтузиазма пятилеток, за ним мимолётная шелуха студенческих десантов и яркий мусор раблезианского пиршества по случаю прибытия первого в навигацию парохода.

По фронтому каждого барака натянута выцветшая кумач: "Главное, ребята, сердцем не стареть!"

Да уж.

Я взгромоздил на плечи рюкзак, который за месяц пути стал почему-то тяжелее, и под проливным дождём,

внезапно налетевшим из размашистого устья Печоры, отправился искать гостиницу. Я не любил спрашивать дорогу, эта привычка нередко меня подводила, однако на этот раз сошла с рук: гостиницу с несурзной в этом пейзаже или натюрморте вывеской "Отель" я увидел метрах в трёхстах от причала. Остановился поправить для последнего броска сползающий с плеч рюкзак и наткнулся взглядом на размытую дождём афишу:

**ТОЛЬКО СЕГОДНЯ!
ОН БЫЛ ПОЭТОМ ПО ПРИРОДЕ
ВЕЧЕР-СПЕКТАКЛЬ
ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО**

Был август 81-го, время теперь столь же далёкое, как средние века; имя Высоцкого, с легендарных похорон которого тогда минуло чуть более года, всё ещё оставалось в числе запретных, опасных, опальных. Бросив в гостинице рюкзак, я наладился в клуб, чтобы поглазеть на смельчаков, затеявших крамольное театральное действо.

СПЕКТАКЛЬ БЫЛ НЕУМЕЛЫЙ И ТРОГАТЕЛЬНЫЙ. Одна деталь оказалась просто поразительной, хотя и сыграла, возможно, случайно, а не по замыслу постановщиков.

На заднике сцены располагался огромный, перерисованный с плотниковской фотографии портрет Высоцкого, а над ним проступал лозунг, висевший в клубе всегда, – к нему, собственно, и приколотили задник, а к заднику пристроили клуб: "Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи". Над всем этим реял неукротимый голос. Сначала:

*Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня не так, как вчера:
Обложили меня, обложили,
Но остались ни с чем егеря!* –

а после из второй части "Охоты на волков":
*Свора псов, ты за стаей моей не вяжись –
В равной сваре за нами удача.
Волки мы! Хороша наша волчья жизнь.
Вы – собаки, и смерть вам – собачья.*
Авторы спектакля оказались молодыми людьми – или выглядели молодо, законсер-

Архив

ОХОТА НА ВОЛКОВ, часть третья 25 января Владимиру Высоцкому исполнилось бы 64 года

вированные северным климатом. Все они, кроме художника из геологов, Юры, имели отношение к авиации: Серёга – инженер аэропорта, Валя – техник и Лёша – диспетчер. Естественно, через неполный час после знакомства друг с другом и дарами ближайшего продмага мы пели дурными голосами и "Охоту на волков", часть первая, и "Охоту на волков", часть вторая...

В НАРЬЯН-МАРЕ Я ПРОБЫЛ НЕДЕЛЮ. ТО был конечный пункт моего маршрута в долгой командировке по Печоре. Мне надо было как можно достовернее узнать про аварию на нефтяной буровой, из-за которой дно Коровинской губы, где по вековой традиции нагуливали себя сиги, покрылось мертвенным слоем бурового раствора; ещё меня занимала таинственная "перегородка" Печоры, странное сооружение местных умельцев: она упрощала промысел сёмги, но напрочь лишала наиболее крупные особи этой редчайшей рыбы доступа к чистым притокам верховья, местам родовых нерестилищ. К чему это могло привести и уже вело, гадать не надо: порода мельчала.

Расспрашивать обо всём этом в Нарьян-Маре считалось бестактным: "Разве вы не понимаете, что..." – и палец собеседника уходил куда-то ввысь, к Полярной звезде. Мне снисходительно и терпеливо, как больному, объясняли: "Обо всём знают в окружке. Идите в окружком, к товарищу Выучейскому. Вы видели новое здание нашего окружкома?"

Видел. Ещё на подходе к Нарьян-Мару, из ходовой рубки танкерочка, на котором

добирался последние триста километров своего речного пути. Построенный на шальные нефтедоллары небоскрёб торчал среди помоек торжествующе и нагло, как золотой зуб Паниковского.

В огромном здании было пустынно и гулко, лишь одинокий охранник величественно и шумно пил чай с морошкой. Я переходил с этажа на этаж, останавливался в конце длинного коридора и кричал:

– Товарищ Выучейский... – Но только пыльное эхо было мне ответом.

ОТПРАВИВ В РЕДАКЦИЮ НАХАЛЬНУЮ телеграмму: "Связи невозможностью установить зпт какое море тире Баренцево зпт Берингово или Лаптевых тире впадает река Печора зпт прошу продлить командировку семь дней тчк Семья согласна тчк Ваш спецкор...", – я зашёл в кафе, взял порцию белаяшей, приготовленных по новой технологии – тесто с тестом, и налил кофе из титана размером с трансформаторную будку.

– Как дела?

Я поднял голову. Передо мной стояли Юра и Сергей, Валя и Лёша, здешние мельпомены. Только сейчас я заметил, что они чем-то неуловимо похожи.

Я рассказал.

– Ну ты даёшь! – сказали Сергей, Валя и Лёша.

И велели завтра в восемь утра быть в аэропорту, – с вертолётном они что-нибудь придумают.

– Ну ты даёшь! – сказал Юра.

И объяснил, где найти человека, кото-